

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный университет им. А. М. Горького»

На правах рукописи

Соболева Лариса Степановна

**Рукописная литература Урала:
наследование традиций
и обретение самобытности**

Специальность 10.01.01 - русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Екатеринбург
2006

Работа выполнена на кафедре фольклора и древней литературы
Государственного образовательного учреждения высшего
профессионального образования
«Уральский государственный университет им. А. М. Горького»

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Василий Петрович Гребенюк

доктор филологических наук
Ирина Владимировна Дергачева

доктор исторических наук
Алексей Геннадиевич Мосин

Ведущая организация: **Новосибирский государственный университет**

Защита состоится <<_7_>> июня 2006 г. в _14_ часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в Уральском государственном университете им. А.М. Горького (620083, Екатеринбург, К-83, проспект Ленина, д. 51, комната 248).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Автореферат разослан «_4_» мая 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

М.А. Литовская.

Общая характеристика диссертации

Художественное освоение исторического пути русской культуры на Урале, образное воплощение жизнедеятельности населения, его духовные поиски и драматические переживания выражены в памятниках словесности, познание которых открывает процесс обретения «духовной оседлости» (термин Д. С. Лихачева), столь необходимого для формирования единого российского духовного пространства.

В современном мировом литературоведении отчетливо высвечивается тенденция к изучению локальных проявлений словесного творчества, к выявлению самобытности культурного потенциала региона. На фоне явственной глобализации озабоченность сохранением собственного лица вызывает к жизни те направления в гуманитарных исследованиях, в которых представлены оригинальность и история формирования целостных культурных регионов. Осознание подобной необходимости проявилось в создании обобщающих исследований о национальных, региональных и краевых процессах развития литературы (башкирской, удмуртской, коми).

Не прошли мимо этой проблемы гуманитарии уральского региона. В обобщающих работах исторического характера страницы, посвященные культуре и искусству края, по традиции, занимали наименьший объем. Опыт филологических размышлений стало издание «Литература Урала: Очерки и портреты» (Екатеринбург, 1998). Но очевидно, что эти издания не могут восполнить современные потребности в осмыслении процесса формирования художественной словесности Уральского региона, ее генетического разнообразия, исторической многофункциональности, воплощения в произведениях различных сословных интересов.

Закономерно появление проекта последних лет по созданию академической истории литературы Урала на базе соединенных усилий литературоведов из различных областей и краев¹. Но если для печатной литературы XIX–XX веков, в связи с открытием категории уральского текста существует ряд фундаментальных исследований (наиболее известные из них: И. А. Дергачев, В. В. Блажес, Г. К. Щенников, В. В. Абашев, Ю. М. Проскурина, Л. П.

¹ См.: История литературы Урала: План-проспект / Отв. ред. Е. К. Созина. Екатеринбург, 2005.

Быков, Н. Л. Лейдерман, Е. К. Созина, М. А. Литовская и др.), то литература, сохранившаяся в рукописной традиции Урала XVII – XX вв., изучена крайне недостаточно. В контексте поставленной задачи обращение к рукописной литературе способно открыть исторические корни особой энергетики уральского текста, его устремленности к самодостаточности, независимости суждений и оценок.

Письменность для Уральского региона – не только фактор развития края, но и постоянный предмет рефлексии. Именно в письменности видели механизм созидания на далеких землях единого с православной Русью духовного пространства. Письменное слово позволяло ощутить приобщение края к единой российской судьбе. Удаленность уральского региона стимулировала заботу переселенцев о его насыщении книжностью. Расширение русского влияния на восточные территории с конца XIV в. тесно сопрягалось со становлением и развитием в Пермской земле христианской письменности. В «Житии» Стефана Пермского подробно разработана идея обретения православия язычниками – «пермянами» и превращения Пермской земли в неотъемлемую часть Руси. Епифаний Премудрый рисует оптимистичную картину активного усвоения пермскими людьми грамотности, сначала в результате деятельности Стефана, а затем самостоятельного стремления «пермян» к просвещению. Образ Пермской земли, входя в топонимическую культуру, оказывался воплощением апостольского служения и зримым символом возможностей христианского слова.

Особенности письменности в Уральском регионе формировались миграционными потоками и были исторически обусловлены характером жизненного уклада переселенцев (крестьян, казачества, предпринимателей, церковных деятелей, государственных чиновников и администраторов и т.п.).

Степень научной разработанности проблемы. Изучение рукописной словесности Урала оказалось возможным в результате большой археографической работы, которая велась в регионе, начиная с XVIII в. Собирать книги и рукописи с научными целями начинает В. Н. Татищев. Посещающие Урал в XVIII–XIX в. исследователи-путешественники (Г. Ф. Миллер, Берх), местные чиновники (Г. Спасский), краеведы (В. Н. Шишонко) открыли целый ряд важнейших для изучения духовной культуры региона памятников письменности.

Первую общественно значимую коллекцию рукописей собрали члены Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), которое было открыто в Екатеринбурге в 1870 г. Члены общества – а это были наиболее активные представители интеллигенции города – занимались изучением истории, археологии, этнографии, записывали и публиковали фольклорные произведения. Они поставили вопрос о систематическом изучении архивов (Н. К. Чупин) и сборе древних книг и рукописей. На открытой по инициативе УОЛЕ в 1887 г. промышленной выставке были продемонстрированы древние книги, собранные на Урале. Коллекционировал древние рукописи и передал их потом в музей УОЛЕ Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собранные членами УОЛЕ древние книги после роспуска Общества оказались в Госархиве Свердловской области (ГАСО) и в Историко-краеведческом музее Екатеринбурга².

В конце XIX в. сбором рукописей и архивных материалов занималась губернская ученая архивная комиссия, открытая в Перми в 1888 г. Найденные комиссией книги и документы ныне хранятся в различных хранилищах Перми (Областном краеведческом музее, архиве, областной библиотеке им. А. М. Горького). Информативными коллекциями, возникшими в XVII–XIX вв., обладают и другие хранилища Урала. Крупнейшее из них – Тобольское, где сохранялись реквизированные церковной властью старообрядческие книги и рукописи.

Систематический сбор древнерусских книг и рукописей в XX в. на Среднем Урале был инициирован в 1959 г. Сотрудники и студенты филологического факультета Уральского госуниверситета во главе с В. В. Кусковым привезли из археографической экспедиции в Пермскую область рукописные и старопечатные книги, которые поступили в Научную библиотеку университета. Начиная с 70-х годов сбор рукописных и старопечатных книг становится постоянным, многолетняя работа привела к формированию более чем пятидесяти тысяч собрания рукописных и старопечатных книг, хранящегося в научной библиотеке УрГУ³. Парал-

² См.: *Дергачева-Скоп Е. И.* Старинные рукописные книги в хранилищах Свердловска // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 338–343.

³ Описание первой экспедиции и обзор находок см.: *Кусков В. В.* Североуральская археографическая экспедиция 1959 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 432–433. Историю собирания рукописей и старопечатных книг см.: *Книги старого Урала.* Свердловск, 1989.

тельно велась работа по составлению описаний территориальных собраний⁴ и разрабатывалась методика описания рукописей⁵.

В определенном смысле последняя треть XX в. была наполнена интенсивным поиском рукописных и старопечатных книг, археографическими исследованиями охватывались огромные территории на севере России, в Поволжье, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке и т. д. Составление описаний территориальных собраний давало бесценный материал для исследований книжно-рукописной традиции локального характера. Особенно ощутимые результаты были получены при описании книжно-рукописной традиции Русского Севера. Подход, сформированный в исследованиях ленинградской академической школы (работы В. И. Малышева, Л. А. Дмитриева), был успешно реализован в позднейших исследованиях больших комплексов территориальных собраний, сопровождавшихся анализом местной традиции средневековых произведений (работы Т. Ф. Волковой, А. А. Амосова, А. Н. Власова, Н. В. Савельевой и др.). Следует упомянуть достижения археографов Московской научной школы, составивших внушительное описание Верхокамского (Пермская область) собрания рукописных книг⁶. Принципиально важным явился комплексный подход к изучению словесности, включающий в себя обращение к рукописной и к устно-поэтической традициям региона, осуществленный московскими археографами в ряде изданий.

Существенными и во многом новаторскими явились разработки новосибирских исследователей книжно-рукописной традиции. Их трудами пополняются описания сибирских собраний⁷, и

⁴ См.: Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья. Т. 1. Вып. 1–2. Свердловск, 1991; Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья. Т. 2. Вып. 1–2. Екатеринбург, 1993.

⁵ См.: Описание рукописных книг: метод. указ. / Сост. С. А. Галишев, И. Л. Манькова, Л. С. Соболева, А. Т. Шашков. Свердловск, 1989.

⁶ См.: Рукописи Верхокамья XV–XX вв. Из собрания Научной библиотеки Московского университета им. М. В. Ломоносова. Каталог / Сост. Е. А. Агеева, Н. А. Кобяк, Т. А. Круглова, Е. Б. Смилянская. М., 1994.

⁷ См.: Панич Т. В., Титова Л. В. Описание собрания рукописей ИИФиФ СО АН СССР. Новосибирск, 1991; Рукописи XVI–XX вв. из коллекции Института истории СО РАН / Сост. А. И. Мальцев, Т. В. Панич, Л. В. Титова. Новосибирск, 1998.

в научный оборот вводятся сочинения из старообрядческих рукописей как прошлого, так и недавнего времени, в создании которых принимали участие писатели Урала. К настоящему моменту определена необходимость рассмотрения судьбы классических и новооткрытых текстов древнерусской литературной традиции в контексте духовных исканий староверов. Там, где позволяет источник, учитываются особенности согласий и локуса старообрядческого творчества (работы Н. Н. Покровского, Н. Д. Зольниковой, Е. И. Дергачевой-Скоп, В. Н. Алексеева, А. И. Мальцева, Е. М. Юхименко и др.).

Немалый вклад был сделан в изучении книжно-рукописной традиции Урала. Благодаря исследованиям историков (работы Р. Г. Пихои, А. Т. Шашкова, В. И. Байдина, А. Г. Мосина и др.), старообрядческая книжность оказалась представленной в источниковедческом и историческом аспектах. Догматические вопросы старообрядческого учения в сочинениях староверов характеризуется в исследованиях протоиерея П. И. Мангилева, рукописная традиция духовных стихов из старообрядческой среды много лет была предметом изучения М. Г. Казанцевой и Т. И. Калужниковой.

Существенно в меньшей степени рукописные памятники изучены в филологическом аспекте, и это направление открывается в диссертации как перспективное и важное для характеристики духовной культуры Урала.

Высказанные положения определяют **актуальность темы исследования**. Вне изучения рукописного наследия невозможно адекватное представление о творческой активности населения, особенностях мировоззрения, эстетических приоритетах и той картине мира, которая в разнообразии вариантов присутствовала в сознании людей Уральского региона. Традиция и самобытность рассматриваются как две взаимосвязанные стороны духовного творчества, получающие конкретное воплощение в зависимости от историко-культурного контекста. Открытие рукописной традиции на Урале в ее различных жанровых и стилевых ипостасях и недостаточная изученность локального историко-литературного процесса актуализируют исследование выдвинутого направления.

Объектом исследования являются рукописные собрания, принадлежащие различным группам населения Урала. Прежде всего, это старообрядческие памятники, собранные в полевых

экспедициях на Урале и прилегающих территориях, и связанные с Уралом рукописи, обнаруженные в архивохранилищах Екатеринбурга, Перми, Москвы, Санкт-Петербурга, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Время создания и бытования памятников протягивается от XVII до XX вв.

Жанровый отбор памятников в первой части диссертации обусловлен их близостью к фольклору, который явился для старообрядческих авторов фактором, поддержавшим жизнеспособность средневековой рукописной традиции. Функционирование памятников имело не только эстетическую функцию, но и практическое применение. Назначение рукописей было связано с созданием и сбережением особого старообрядческого пространства, отделенного от греховного мира и мыслимого как необходимое условие спасения. Рассказы староверов об условиях появления памятников, их восприятии, исторических реалиях, получивших образное воплощение, дополняют найденные рукописные тексты. Выявленные в территориальных рукописных собраниях тексты исследуются на пересечении литературной и фольклорной традиций, подвергаются текстологическому анализу с выделением редакций и сопоставляются с фольклорными клише, в которых сконцентрирована народная образность.

Не менее показательным явилось во второй части обращение к рукописям XVII – XIX вв., возникшим в иной среде – культурных гнездах строгановского региона. Уникальная рукописная библиотека крепостных крестьян строгановской вотчины изучается как самодостаточный феномен. Наиболее художественно значимые тексты из рукописной библиотеки подвергаются системному анализу. Среди них входящие в «золотой фонд» русской литературы памятники демократической сатиры, исторические сочинения, лечебник и паремийные жанры.

Целью исследования является выявление в рукописной литературе наследуемых традиций и становление самобытности в тех временных, пространственных и социальных координатах, с которыми соотносятся сохранившиеся рукописи.

Достижению поставленной цели способствует решение следующих **конкретных задач**: 1. Выявить и описать рукописи, содержащие жанры, наиболее ярко характеризующие креативность старообрядческой субкультуры Урала; 2. Рассмотреть отражение в «отреченных» жанрах системы древних верований и их

христианскую адаптацию. Выявить генетически различные приемы поэтики в произведениях, учитывая особенности письменной и устной культуры слова; 3. Сделать текстологический анализ ряда произведений, установить факторы и носителей редакционного движения текстов, определяя специфику вариативности; 4. Изучить соотношение исторической основы и ее художественной типизации в жанре «Родословия» на основе обращения к архивным источникам, учитывая исторические традиции старообрядческих сочинений; 5. Раскрыть особенности эсхатологических размышлений современных староверов на основе рукописного сочинения о приходе антихриста; 6. Определить особенности понятия «культурное гнездо», рассмотреть условия появления культурных гнезд в строгановском регионе XVII–XVIII вв.; 7. Очертить круг проблем, решаемых в связи с изучением памятника XVII в. «Статир», разработать системный подход к тексту, рассмотреть появление произведения в контексте «культурных гнезд» (Соликамск, Орел-городок); 8. Определить особенности крестьянской рукописной библиотеки в связи с проблемой появления частных библиотек XVIII в. Соотнести сюжетно-тематическое разнообразие произведений, своеобразие поэтики с запросами и вкусами владельцев и переписчиков собрания из культурного гнезда Слудка-Ильинское; 8. Рассмотреть фольклорные паремии из сборника Алексея Пищалкина (1869 г.) и их толкование в контексте «ученой» культуры; 9. Подготовить и опубликовать новые произведения и варианты известных древнерусских текстов из рукописного наследия Урала.

Новизна работы состоит в привлечении к исследованию неизвестных или малоизученных рукописей XVII – XX вв. четьего характера, бытовавших на Урале и прилегающих территориях, проведения многогранного анализа памятников с обращением к методам палеографии, кодикологии. Диссертационное исследование сосредоточено на ряде малоизученных проблем, таких как: рукописное бытование устно-поэтических жанров, воплощение творческого начала старообрядческой субкультуры в рукописной литературе, значение культурных гнезд в становлении культуры Урала, феномен крестьянской библиотеки и крестьянская письменная традиция. Выявленные проблемы решаются в возможном приближении к ментальным различиям, характеризующим создателей и потребителей артефактов в различных культурно-исторических контекстах.

Методологическую и теоретическую базу диссертации составляют работы отечественных и зарубежных исследователей в области археографии, средневековой литературы, устно-поэтического творчества. В основу положен принцип системного подхода, который предполагает изучение рукописного материала в его целостности через связи различного характера. Изучение исторических корней образности в соединении с представлениями о бытовании текста, его функционировании в контексте региональной культуры сочетаются с исследованиями текстологического плана. Обращение к сравнительно-типологическому методу позволяет раскрыть взаимосвязи поэтики текста с литературной и фольклорной основой, что важно, учитывая специфику материала. Столь же существенным оказывается обращение к герменевтике, тем более что в одном из рукописных сборников 1869 г. открыт и изучен вариант «народной герменевтики». Результативно применение культурно-антропологического подхода, в котором артефакты рассматриваются как воплощение интересов и судеб их создателей и потребителей.

Теоретическая значимость работы. В диссертации выявлены локальные векторы развития рукописной литературы и определена их корреляция с оптимальными методами исследования. Доказано, что креативное начало в рукописной традиции староверов не ограничивается локальной традицией, а распространяется в рамках согласий и за их пределами. Различные жанры старообрядческой словесности объединены важной функцией внелитературного свойства. Они призваны создавать и сохранять пространство «истинной» веры, что сказывается на особенностях бытования текстов, влияет на образный строй памятников. Рукописная традиция поддерживает на новом художественном уровне жанры «отреченного» и лиро-эпического характера, устно-поэтическая основа придает жизненную энергию исторической и эсхатологической прозе.

Развитие теории «культурных гнезд» позволяет увидеть в литературных памятниках XVII–XIX вв. строгановского региона своеобычность и связь с локальными корнями поэтики произведений. Разнообразие и беллетристическая направленность текстов дает возможность рассмотреть развитие национальной ментальности в слое формирующихся из крепостных крестьян предпринимателей. Становление единого духовного пространства, более подробно представляемое в направлении от «высокой» культуры к

народной, дополняется в диссертации фактами встречного движения в народной культуре. Эти явления, будучи порождением местной традиции, имеют общенациональное значение.

На защиту выносятся следующие положения: 1. В представленной работе рассмотрены важные аспекты бытования рукописной словесности XVII–XX в. на Урале в связи с проблемой наследования традиций и обретения самобытности. Обращение к рукописной литературе вызвано пониманием, что именно в этой части русской логосферы сплетаются интересы читателей и авторов, отражается творческий потенциал региона и выявляется пафос общественных настроений.

2. Религиозное движение старообрядчества, став выразителем народных умонастроений, экстренно приобщило к письменности многочисленных носителей традиционной крестьянской культуры, что привело не только к расширению грамотности, но к неизбежному изменению творческой манеры создателей рукописных памятников. На пути ускоренного овладения письменной словесностью создалась многожанровая самобытная литература, не совпадавшая с магистральным развитием русской культуры XVIII–XX вв., но сохраняющая общезначимые черты народно-христианской традиции.

3. Заклинательно-магические произведения, получают в рукописной традиции дополнительный стимул, исходящий из признания сакральной семантики старославянской письменности. Включение в рукописную традицию изменяет образную структуру текста, влияет на композицию, объем, характер бытования памятников. В уникальном заговоре о пчелах появляется образ православной Руси как воплощение идеального мироустройства.

3. Апокрифический сюжет «Сон Богородицы», переписываемый в виде нарратива, играет роль «народной Библии» и имеет функцию оберега. Духовный стих на этот сюжет актуализирует семейно-родовые связи, показывая любовь и ответственность Сына Божия за судьбу Богородицы. Заговор воскрешает жертвенное значение пролитой крови.

4. Духовные стихи, получившие в старообрядческой среде «второе дыхание», акцентируют внимание на родовых связях человека и видят в их нарушении катастрофическую угрозу жизни. К родовому конфликту старшего и младших братьев сведено столкновение князей в стихе о Борисе и Глебе. В условиях ожидаемого конца света, признаки которого староверы находили в

окружающей действительности, родовые связи оценивались как устойчивая поддержка человека в его борьбе с враждебным миром. При определенном радикализме староверия, задатках в нем фанатичного мироощущения апокрифы и духовные стихи давали ноту величайшего сочувствия к человеку, усиливали надежду на милосердие и прощение. Сатирический стих «О пьянице» соединяет прием комической травести и нравоучительный пафос.

5. Чувству трагического отделения староверия от Святой Руси противостояло написание исторических сочинений – Родословий согласий (XVIII–XIX вв.), в которых создавался образ мира, в одной части которого господствовал грех и сознательное стремление к разрушению, в другой – царствовала добродетель. Историческое полотно ткалось из сочетания эсхатологии и утопии. В «Родословии» поморского согласия соединяются мемораты и письменные свидетельства. Типологизация ситуаций и персонажей в памятнике направлена на мифологизацию истории. Архетипические представления о жизни человека как части судьбы рода, о необходимости жертвенного начала, о неразрывной связи с дониконовской Русью через судьбу праведника свидетельствовали о настойчивом желании видеть старообрядческий мир достойным спасения.

6. Эсхатологическая идея о приходе антихриста в мир была в центре внимания староверов на протяжении нескольких столетий, обретая в новых условиях не только новые имена мировых злодеев, но и новые обличья. Сочинение о «звере – компютере» переписывается в XX в. (80-е г.) прихожанином белокрыницкого согласия, жителем уральского села. Его стремление воспроизвести текст, принадлежащий иной технически совершенной культуре, приводит к появлению в произведении многочисленных «темных» мест. Эта зашифрованность текста объясняется переписчиком непостижимой природой антихриста.

7. Рукописи, связанные с культурой строгановского культурного региона, изучаются в контексте «культурных гнезд», возникновение которых на протяжении XVI–XVIII вв. – самобытнейшее явление истории культуры Урала. Обращение к оригинальной рукописи конца XVII в. – сборнику проповедей анонимного автора «Статир», возникшей в Орле-городке, приводит к выводу об отнюдь не провинциальном характере литературного процесса на востоке России.

8. Формирование слоя читателей с новым кругозором и с более светскими и широкими представлениями отразила крестья-

янская библиотека сел Слудка – Ильинское (Пермская губерния) середины XVIII – начала XIX в. Ее содержание свидетельствует о многогранности и сложности духовного мира крепостных крестьян строгановской вотчины, демонстрирует их исторические и беллетристические предпочтения.

9. Рукописные памятники, входящие в библиотеку, раскрывают мировоззренческие поиски крестьян. В уникальном сборнике с памятниками демократической сатиры XVII в., представлены различные аспекты судьбы человека: от успешных и поворачивающих жизнь к лучшему (Повесть о куре и лисице, Повесть о Шемякином суде, Повесть о бражнике) – в одних, до фатально неудачных – в других (Азбука о голом и небогатом человеке, Повесть о Фоме и Ереме). В финале читатель приходил к выводу, что жизненный успех обеспечивается деятельностью самого человека, его ловкостью, хитростью и умом.

10. Надежда на свои силы приводит к неоднократному переписыванию в крестьянской среде энциклопедического лечебника, где соединены рецепты использования трав и других природных материалов для наведения порядка в доме, охраны здоровья, избавления от жизненных неудач. Воедино совмещались рациональные советы, основанные на житейском опыте, и заклинательно-магические формулы.

11. Самобытный аспект имела просветительская направленность библиотеки. Освоение латинской образованности происходит через приобщение латинских фольклорных и литературных афоризмов к русским народным пословицам и поговоркам. Палеографические особенности рукописи XVIII в. показывают, что в процессе перевода образные фольклорные выражения преобладали над точностью передачи латинских афоризмов.

12. Поиск нового героя продолжен в письменной традиции вышедшего из крестьян администратора строгановского правления в с. Ильинском Алексея Пищалкина (XIX в.). Он создает трактаты по исправлению крестьянской нравственности, в одном из которых он является главным положительным героем. В другом рукописном трактате предлагается ряд мер против пьянства на ярмарке. Уважаемый всеми член правления наряду с пословицами, поговорками, меткими выражениями собирает памятники народного красноречия, посвященные винопитию. Однако цель составленного им сборника – не только запись популярных высказываний, в рукописи они соотнесены с системой положительных и

отрицательных характеристик индивида, составленных в координатах «ученой» культуры.

Научно-практическая ценность работы. Собранный литературный материал и результаты исследования существенны для создания академической истории литературы Урала и для описания региональных рукописных собраний. Результаты могут стать надежной основой для спецкурсов и общих курсов по истории русской литературы и истории литературы Урала в вузовской программе. Многие главы диссертации актуальны для преподавателей средней школы. По материалам исследования разработаны и прочитаны (1999 – 2005) спецкурсы для студентов Уральского государственного университета: «Взаимодействие рукописной и устно-поэтической традиций в русской словесности Урала», «Рукописная литература Урала: проблема регионального подхода». Диссертационные материалы использовались в цикле лекций для учителей по истории культуры Урала (2003-2005 гг., Институт регионального образования).

Использование результатов исследования. Апробацию основные положения диссертации получили в докладах и сообщениях на 22 научных конференциях (1987 – 2005 гг.), в том числе *международных*: «Христианское миссионерство как феномен истории культуры» (1996, Пермь), «Народная культура, письменность, христианство» (1998, Нижний Новгород), «Изучение стран Восточной Европы» (2000, Тампере, Финляндия), III Международная научно-практической конференция «Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи» (2001, Улан-Удэ), «Книга и литература в культурном контексте» (2001, Новосибирск, НГУ, и ГПНТБ), «Сибирь: опыт освоения и путь в XXI век» (2005, Новосибирск, Институт истории СО РАН), «Древнерусское духовное наследие в Сибири. Научное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России» (2005, Новосибирск, НГУ и ГПНТБ СО РАН), *всероссийских*: «Дергачевские чтения: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности» (1996, 1998, 2000, 2002, 2004, Екатеринбург, УрГУ), «Бирюковские чтения» (1987, 1988, 1998, Челябинск), I Сибиро-Уральский исторический конгресс «Культурное наследие Азиатской России» (1997, г. Тобольск), «Археографические чтения» (1998, 2000, Екатеринбург, УрГУ), «Ремезовские чтения: Культура провинции» (2003, 2005,

Тобольск), «Литература Урала; история и современность» (2005, Екатеринбург, УрГУ и ИИиА УрО РАН), *межрегиональных*: «Сибирь на перекрестке мировых религий» (2001, Новосибирск).

Прочитан доклад на расширенном заседании сектора истории литературы Урала Института истории и археологии УрО РАН (2005 г.), на заседании Ученого совета Объединенного музея писателей Урала (2005 г.).

Основное содержание диссертации отражено в двух монографиях (одна коллективная) и статьях, наиболее существенные из которых представлены в списке в конце автореферата.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из Введения, двух основных частей, Заключения, списка литературы и Приложения. Каждая часть диссертации включает в себя 4 главы, в главах выделены разделы. В Приложении публикуются новонайденные рукописные заговоры, апокриф «Сон Богородицы» в двух редакциях, духовные и сатирические стихи, новые списки произведений древнерусской литературы из крестьянской библиотеки XVIII – XIX вв. (исторические и сатирические повести, паремийные жанры, лечебник). Здесь же приведены описания использованных рукописей, включая описание библиотеки крестьян строгановской вотчины, и справочный аппарат.

Основное содержание диссертации

Во **Введении** дано обоснование темы, сформулированы основные задачи исследования, предмет, цель и анализ современного состояния изученности указанных проблем.

Часть первая. Рукописный облик устного слова

Эта часть диссертации посвящена изучению рукописей из территориальных собраний Уральского госуниверситета, собранных в последнее сорокалетие в старообрядческой среде. Доминантой в отборе рукописей для данного исследования стало эстетическое качество текста, их своеобычность, обусловленная взаимодействием устной и письменной природы словесного творчества. Активизация этой стороны словесности в старообрядческой среде связывается с экстренным приобщением к грамотности демократических слоев населения, владеющих ранее в основном фольклорным искусством. Выделены наиболее креативные направления

в рукописной традиции староверия, задействованы разнообразные жанры, что должно способствовать репрезентативности выводов, касающихся старообрядческой словесности.

Глава 1. Старообрядческие рукописи в духовном пространстве Урала

Старообрядческая рукописная традиция и аспекты ее понимания рассматриваются в **первом** разделе *«Старообрядческое творчество в историко-филологическом освещении»*. Здесь дается обзор историко-филологического изучения и публикации памятников старообрядческой письменности. Идея о самостоятельности и особом творческом настрое староверия, о значении раскола для пробуждения «своеобразной мыслительности народной» была сформулирована А. П. Щаповым (1861) и затем разрабатывалась Н. И. Костомаровым, по мнению которого, раскол является «крупным явлением умственного прогресса» и его значение для народа прежде всего образовательное. «Потребность удержать то, что прежние века стояло твердо, не подвергаясь колебанию, вызывало вслед за собой такие духовные нужды, которые вводили русский народ в чуждую ему до того времени область мысленного труда», – писал историк («Вестник Европы». 1871. Кн. 4.). Идею Костомарова о творческом потенциале старообрядчества развивал А. С. Пругавин. «В раскол, – считал он, – идут люди наиболее одаренные духовными талантами, наиболее способные и даровитые» («Русская мысль». 1881, № 1). Эта мысль была поддержана исследователями последующих поколений, опубликовавших памятники старообрядческой словесности.

Старообрядчество воспринимало письменность как часть идеального православного мира, присущего дониконовскому времени. Книги несли в себе тот образ благодати, которого в одночасье лишились приверженцы «старой веры». Наличие дониконовских книг в доме предполагало формирование пространства, отличающегося от «мира антихриста». В старообрядческой субкультуре культивируются ценность родовых связей, от крепости которых зависит сохранение «истинной веры», каноническую форму обретает бытовой уклад. Постоянное опасение за потерю благодати активизирует обращение к средствам народной магии. Противоречия с церковными институтами в сочетании с глубинными установками народной культуры заставляют обращаться к апок-

рифическим текстам. В них эсхатология, составляющая «живую душу раскола», представала в контексте народных верований. Апокрифы давали исчерпывающее объяснение греховности современной староверам жизни. В разделе оцениваются тенденции современного изучения старообрядческой словесности как феномена, способствующего созданию старообрядческой субкультуры, сохраняющей оппозиционный пафос, основанный на приверженности к национальному мифу об идеальном православии дониконского времени.

Во втором разделе *«Литература и фольклор в рукописной традиции: синтез и противостояние»* описываются функционально-эстетические особенности устного словесного творчества и литературного произведения. Рукописный текст имеет в бытовании черты, схожие с фольклором, и предоставляет возможность читателю вмешиваться в творческий процесс на этапе переписывания текста. Анонимность произведения, свойственная древнерусской литературе, на позднем этапе рукописной традиции поддерживается представлением о коллективности творчества. Рукописная природа произведения позволяет проникнуть в творческую лабораторию переписчика и автора, увидеть за процессом изменения произведения читательское восприятие текста. В рукописных текстах сохраняются древнейшие верования, зачастую ушедшие из активного устного бытования. Особенно важно это в старообрядческой словесности, где в рукописной традиции сохранялись оппозиционные настроения.

Глава 2. «Отреченные» жанры в старообрядческой письменности Урала

Внимание к «отреченным» жанрам в рукописной традиции, существовавшее в русской гуманитаристике, было обусловлено тем, что в этих памятниках видели отражение народного миропонимания. Это вызвало многочисленные публикации текстов апокрифов, заговоров, лечебников и исследования, ставшие классическими в русской науке⁸. Необходимость дальнейшего изучения и поисков новых материалов была осознана в конце 80-х годов прошлого века, и к настоящему моменту – это важное направ-

⁸ Историю изучения «отреченных» книг см.: *Турилов А. А., Чернецов А. В.* К изучению «отреченных» книг // *Естественнонаучные представления Древней Руси.* М., 1988. С. 111–118.

ление в современных исследованиях (работы А. А., Турилова, А. В Чернецова, Е. Смилянкой, А. В. Пигина, Н. Н. Покровского и др.)⁹.

В первом разделе «*Рукописные заговоры: обновление магического жанра*» рассматриваются магические тексты, найденные на Урале и в Зауралье. Они сберегались в среде носителей фольклорной традиции, и внешний вид рукописей свидетельствует об активном к ним обращении. К феномену рукописных заговоров обращался П. С. Богословский в пермский период своей деятельности (20-е – 30-е гг. XX в.). Ставя перед собой в основном задачу публикации текстов, он отмечал, что в записях «несравненно лучше сохраняется их наиболее древний облик и литературная форма»¹⁰.

Осознание человеком традиционной культуры окружающего мира связано с поисками соотношения сакрального и земного. В этом смысле важны механизмы гармонизации, защищающие культурный мир от космического хаоса. Болезни, жизненные неудачи, страх перед будущим вызывали желание заговорами и апокрифическими молитвами воздействовать на благожелательные к человеку силы или использовать демоническое начало как инструмент достижения цели.

Помещение текста заговора в кодекс или на обычный листок бумаги придавало ему дополнительную силу. Написанный на бумаге или другом носителе текст заговора превращался в амулет, который можно было постоянно носить с собой, и таким образом получить постоянную защиту. Письменные заговоры доносят древнейшие мотивы и образы, в ряде текстов они сочетаются с константами христианской веры. Представленные рукописные тексты удивительно разнообразны по назначению (избавление от болезней, от «12 лихорадок», «от оружия», «от похмелья», наговоры сатане, любовные присушки и т. д.). В письменной традиции создаются сборники заговоров (своеобразные антологии), объединенные по различным принципам: одни продиктованы желанием оптимальной защиты человека и мест его обитания, в других заго-

⁹ См.: Турилов А. А., Чернецов А. В. О письменных источниках изучения восточнославянских народных верований и обрядов // Советская этнография. 1986. № 1. С. 95–103.

¹⁰ Богословский П. С. Кунгурские рукописные заговоры и их научное значение // Кунгуро-Красноуфимский край. Кунгур, 1925. № 25–28.

воры объединяются в зависимости от темы, варьируются по объему, зачастую не отделяясь один от другого.

В диссертации ставится вопрос, насколько новая для фольклорного жанра форма бытования заговора оказывала влияние на его поэтику, в чем заключалась модификация жанра. В этой связи подробно рассматривается подборка заговоров, посвященных охране пчел, которая сохранилась в рукописи XIX в. (НБ УрГУ, Шалинское собр. 19 Р., л. 1–23). Заговор вбирает в себя устную легенду о Зосиме и Савватии, утверждающую мысль о перемещении христианской святости на Русь. Объемный текст, героями которого выступают святые Зосима и Савватий, обращается к мотиву хождений в «папаримскую» землю за пчелиным роем, который святые в покое переносят на Святую Русь. В сюжете заговора выявляется традиционное противостояние католичества и православия.

Рамки жанра в этом памятнике существенно расширены, в него включены эпические мотивы прославления Русской земли и ее охраны. Идея торжества православия сопряжена с прославлением красоты Русской земли, которая является продолжением космической гармонии и проявлением Божественной премудрости. В тексте ярко выражена идея взаимосвязи природы и человека, их внутреннего единства, обусловленного общим актом Божественного творения. В заговоре сочетаются космический и земной мир, идеальная земная красота продолжается в обустроенном крестьянском хозяйстве. Действия крестьян по охране пчел имеют смысл ритуала, в котором продолжается миротворчество, а крестьянский двор — воплощение космического мироустройства.

Письменная традиция заговорных жанров не только способствовала сохранению древнейших текстов, но приводила к дальнейшему развитию жанра. В рукописных заговорах органично сопрягались языческие и христианские составляющие художественной образности, что изменяло мифопоэтическое пространство текста. Старообрядческая приверженность идеалам Святой Руси находила воплощение в заговорах, и Святая Русь становилась силой, защищающей человека от злого начала, подобно миру предков и богов в древних верованиях.

Во втором разделе *«Апокрифический сюжет «Сон Богородицы» в пространстве устного и письменного слова»* рассматриваются различные ипостаси бытования сюжета «Сон Богородицы»: апокриф, духовный стих и заговор. К изучению апокрифа неоднократно обращались в медиевистике XIX в. (Н. Ф. Сумцов, А. Н. Пыпин, М. Тихонравов), но, в большей степени, это каса-

это касалось публикации текстов (В. Варенцов, П. А. Бессонов, Е. В. Барсов И. Франко). Предположение, что текст восходит к польскоязычному оригиналу, представленному в летописи Ерлича (1546 г.), не мешает признанию собственного пути развития текста, органично вошедшего в старообрядческую рукописную традицию. Для народной культуры апокриф играл роль Библии, раскрывая смысл христианского вероучения, и продолжал традицию ранних апокрифов, о которых еще Н. Пыпин высказал мысль, что они служили для объединения сюжетных линий Ветхого и Нового Заветов и сыграли существенную роль в становлении христианства¹¹. Апокрифический сюжет соединяет представление о страдающем Сыне Божиим и карающем всемогущем Боге. В рукописях, бытовавших на территории Урала, апокриф представлен в пространной и краткой редакциях. В Пространной редакции усиливаются эпические черты, краткая сконцентрирована на главном эпизоде распятия.

В главе на основе возможных вариантов исследуется образно-художественная структура текста, отмечается соединение в единое целое жанров видения и пророчества. В процессе бытования текст апокрифа вбирает в себя бытовые и психологические детали, обращение Сына Божия и Богородицы с различной степенью чувственной достоверности придает первой части произведения привлекательную для читателя живость обыденной жизни. Апокриф, подобно молитве, используется при исполнении христианских обрядов. Вторая часть произведения представляет собой перечисление тех негативных сторон жизни, от которых спасает чтение или только наличие рукописи у читателя. В тексте создается образ утопически прекрасной действительности, защищенной апокрифом от житейских бед.

Духовный стих «Сон Богородицы» переиначивает конфликт в соответствии с ценностями семейно-родового характера, таких как уважение к матери, уход за ней в старости и забота о ее успокоении. В контексте этих наблюдений появляется мотив материнского упрека Христу и обещание возвысить ее образ для церковных иерархов, светской власти и для всех живущих на земле. В заговорном тексте кровь Христа, о пролитии которой горюет

¹¹ См.: Пыпин А. Н. История русской литературы. СПб., 1902. Ч. 1. С. 422.

Богоматерь, преобразуется в жертвенную кровь, лежащую в основе миротворения.

Глава 3. Духовные стихи в рукописной традиции уральских староверов

Духовные стихи составляют существенную часть старообрядческой рукописной традиции. В них воплощаются лирические чувства, для чего библейские, исторические и повседневные сюжеты вовлекаются в сферу напряженных эмоциональных переживаний. Уральская традиция духовных стихов привлекала внимание исследователей-музыковедов (М. Г. Казанцева, Т. И. Калужникова), но менее изученными оказались стихи, связанные с историческими сюжетами, которые в староверии получают собственную семантику. К таковым относятся духовные стихи о погибших в результате братоубийственных столкновений первых русских святых Борисе и Глебе, исследованию которых посвящен **первый** раздел *«Воплощение святости Бориса и Глеба в духовных стихах»*. Этот стих обнаружен в трех списках из территориальных собраний НБ УрГУ, к сопоставлению привлекаются тексты из публикаций П. Бессонова, М. Н. Тихонравова, В. Варенцова. Духовные стихи рассматриваются в контексте многочисленных произведений Борисоглебского цикла.

Положение стиха на границе письменной и фольклорной традиций приводит к творческому переосмыслению конфликта. Убийство Святополком Бориса и Глеба из-за политических притязаний на власть замещается семейно-родовым столкновением старшего и младших братьев из-за жадности и обиды Святополка. Осуждение Святополка в стихе подчеркивает нарушение им нравственного кодекса поведения, принятого в народной среде. И если в письменных вариантах стиха остается память о греховной гордыне Святополка, приведшей его к кровавому братоубийству, то устные варианты усиливают конфликт в рамках обычного права. Тема невинногонимых героев, проникая в жанр духовных стихов, объединяет устно-поэтические и книжные черты. Идеализация Бориса и Глеба на основе выявления семейно-бытового конфликта, связанного с верой в справедливое возмездие за преступление, свидетельствует о гибкости народного сознания, о стремлении к собственной органической трактовке принимаемых христианских идей и формирования национального пантеона святости на основе народной этики.

Анализ состава старообрядческих сборников духовных стихов показывает, что конвой стиха придает тексту дополнительные смысловые оттенки. В старообрядческой среде осуждение гордыни Святополка должно было напоминать об обвинениях в гордыне Никона, а братское столкновение могло иметь обобщающий смысл противостояния никониан и старообрядцев, смерть святых утверждала благодать смирения.

Во втором разделе *«Стих о пьянице»: морализирующая сатира в старообрядческой огласовке»* анализируется оригинальный сатирический стих «О пьянице» (Шатровское собр. 42. Р. л. 32 об.–34; Талицкое собр. 73. Р. л. 18 об. – 21), который находится в окружении духовных стихов. Привлекаемые тексты из устных и рукописных источников приводят к выводу о существовании словесной травести в народной поэтической традиции. Понятие словесной травести, введенное В. Проппом, подчеркивает особенность средневекового смеха. В Средневековье, по словам А. Я. Гуревича, «сакральное не ставится смехом под сомнение, наоборот, оно упрочивается смеховым началом, которое является его двойником и спутником, его постоянно звучащим эхом»¹². Этот прием в среде истово верующих является не пародией на церковные песнопения, а использованием богослужебных клише с целью осмеяния якобы ревностных служителей церкви, особенно монашеского ранга. Соединение в «Стихе о пьянице» сатиры и нравоучения позволяло помещать его в сборники с благочестивыми духовными стихами и памятниками нравоучительного характера. Стихи, в окружении которых в сборниках переписан «Стих о пьянице», эсхатологического и назидательно-аскетического характера (стихи о потопе, о смертном часе, о спасении души, о монастырской жизни, о Рождестве). Произведения объединяют темы наказания за грехи и возмездия за несправедную жизнь, отражающие драматические переживания старообрядчества XX в.

Глава 4. История и эсхатология в прозе староверов Урала

¹² Гуревич А. Я. К истории гротеска. «Верх» и «низ» в средневековой латинской литературе // Известия АН СССР. 1975. Т. 34. № 4. С. 327 (Сер: Литература и язык).

Тема сохранения благодати в неправедном мире была в центре старообрядческих сочинений, посвященных истории согласий. В первом разделе *«Легендарная основа «Родословия» старообрядцев поморского согласия»* рассматривается опыт старообрядческой трактовки истории в новонайденном сочинении – «Родословие поморской веры на Урале и в Сибири». Памятник дошел до нас в 5 списках, самый полный и ранний из которых относится к 70-м гг. XIX в. (НБ УрГУ, Шалинское собр. 31 Р.). Изначально предание с элементами чуда-знамения было обнаружено в устной традиции с. Таватуй (место действия основных событий), затем списки памятника были найдены в местах проживания потомков героев произведения (род Тельминовых), память о которых сохраняется в рассказах местных жителей.

В центре «Родословия» проблема истинности христианской благодати и путей ее достижения в контексте истории поморского согласия на Урале и в Зауралье. Основу христианской благодати памятник обнаруживает в нескольких источниках. Во-первых, это история мученической смерти в Кушунской гари старца Михаила Тельмина – деда основателя согласия Стефана Тельмина. Во-вторых, носителем благодати является сосланный на Урал и проживавший в Таватуйе «царский секретарь» Игнатий Воронцов, наставник местных поморов, скрывавший свое знатное происхождение. Третьим фактором сохранения «истинности» поморского согласия становится тесная связь уральских староверов с Выго-Лексинской общиной, откуда приезжают в Таватуй к Игнатию Воронцову три посланника. Среди них лидеры поморского согласия братья Семеновы, деятельность которых по укреплению старообрядческого движения была хорошо известна в первой половине XVIII в.

На пересечении этих линий сюжета оказывается «отрок» Стефан Тельмин. Его судьба вбирала в себя благодать дониконских времен, мужество и стойкость староверов, мученической смертью повторивших подвиг первохристиан, энергию и веру в свои силы Выговского общежития. «Родословие показывало возможности обретения поморской общиной благодатного хронотопа в условиях грехопадения окружающего мира. В стечении обстоятельств виделся промысел Божий, и идея невозможности существовать в безблагодатном мире компенсировалась мыслью о кровных и духовных, пространственных и временных связях праведников.

Архивные материалы позволяют установить направление художественного вымысла автора «Родословия». По архивным источникам 1746–1748 гг. (ГАПО, Ф. 297, оп. 1, д. 1130; ПГПИ. V 33. № 4369) «царский секретарь» оказывается беглым попом, участником Булавинского восстания (1707–1709) Игнатием Воронком, преследуемым властью за старообрядческую пропаганду. В соединении фактов жизни Стефана Кузьмича с деятельностью поморских старообрядческих авторитетов обнаруживается исторический анахронизм (датирующее уточнение сделано П. И. Мангилевым). Во временном противоречии кроется процесс мифотворчества. Автор соединяет в единое художественное полотно исторические реалии с архетипическими представлениями об искупительной жертве, неузнанном знатном пришельце, чистом отроке, посланном для спасения единомышленников. Развитие памятника в рукописной традиции ведет к появлению краткой редакции, где первая часть об истории передачи христианской благодати заменяется изложением полемики на местном старообрядческом соборе, посвященном вопросу допустимости или недопустимости брака.

В «Родословии» развивалась идея исторического оптимизма, в условиях отсутствия священства тема передачи духовной благодати утверждала роль наставника общины как духовного лидера, способствовала единения староверов.

Во втором разделе *«Компьютер-антихрист»: образ современной старообрядческой эсхатологии* показывается, что апокалиптические идеи не угасали в старообрядчестве на протяжении всей драматической истории религиозного движения. Рукописная традиция донесла до нас многочисленные сборники с выписками из различных Слов и Поучений о конце света общепризнанных христианских авторов¹³.

Специфика профанного сознания облекала богословские размышления в вещественную конкретику окружающей действительности. Выводы о наступлении конца света соотносились с современным человеку миром, и приметы прихода антихриста виделись в явлениях светской жизни, в новых технических достижениях. В наиболее радикальных согласиях неприятие радио, элек-

¹³ Эта тема является центральной для археографов Новосибирского центра, под руководством Н. Н. Покровского (См. работы Н. С. Гурьяновой, Н. Д. Зольниковой, А. И. Мальцева).

тричества, железных дорог и т. п. существовало вплоть до нашего времени, с чем постоянно сталкивались участники археографических экспедиций.

Обнаруженное в экспедиции 1989 года сочинение о «звере-компьютере» продолжает выявленный феномен. В публицистическом обличении знаки присутствия антихриста видятся в традиционных символах: числе 666, лазерных знаках, наносимых невидимыми лучами на правую руку каждого человека, кредитных карточках, которые «пересчитывают» всех людей, и, наконец, в образе величайшего «компьютера», который управляет всеми людьми. Судя по упоминающимся именам американских проповедников, бизнесменов и политиков, корни этого сочинения – в среде американских религиозных радикалов. Староверов (близкий список данного сочинения хранится в рукописном собрании библиотеки МГУ) привлекли в произведении традиционные ссылки на эсхатологические сочинения христианства, уверенность в наступлении царства антихриста. Наличие в сочинении откровенно запутанных пассажей, вызванных незнакомыми реалиями американской жизни 80-х гг., не смутило наставника. Сама тема антихриста объясняла запутанность и неясность текста. Текст мог восприниматься оберегом против темной силы, магические тексты воспроизводились вне зависимости от ясности семантики. Переписчик явно стремился сделать текст общепринятым, написав на обложке: «Читай – полезно».

Часть вторая

Рукописная традиция строгановского культурного региона

В этой части исследуются рукописи, созданные в XVII – XIX вв. в культурных гнездах строгановского региона (термин В. В. Мухина), охватывающего северную часть Пермской земли и Прикамье.

Глава 1. Рукописная традиция в культурных гнездах XVII в.

Уникальная рукопись XVII в. «Статир», хранящаяся в рукописном отделе Национальной Российской библиотеки (собр. Румянцева № 411), написанная в Соликамске и Орле-городке анонимным автором в 1673–1674 гг., является главным объектом исследования в этой главе. Изучение условий, способствующих по-

явлению памятника, проблема авторства и поэтики текста предв-
яются в **первом** разделе теоретическими выкладками на тему
«*Концепт «культурное гнездо»: возврат из забвения*». Важной
составляющей понимания рукописной традиции является раскры-
тие в тексте миропонимания, в котором соединяются культура и
судьбы человека. Подобного рода подходы, разрабатываемые в
научном направлении современной гуманитарной науки – куль-
турной антропологии, соотносятся в диссертации с представле-
ниями о локальном аспекте развития культуры, выраженном в
концепте «культурного гнезда».

Требование фундаментальных разработок новых подходов
к локально-региональному феномену культуры, выраженное в
концепте «культурное гнездо» было сформулировано в работах
Н. К. Пиксанова (конец XIX – 20-е гг. XX в.)¹⁴ и плодотворно при-
менялось в изучении областной истории и культуры (И. М. Гревс,
М. М. Богословский, В. В. Богданов, Н. П. Анциферов, С. В. Бах-
рушин и т. д.). Предлагалось изменить точку отсчета и, рисуя кар-
тину местной духовной жизни, раскрывать ее специфику не как
отражение (причем менее искусное) столичных явлений, а как
оригинальный феномен, требующий собственного угла зрения. В
связи с этим вводилось понятие «культурного гнезда».

В современных исследованиях региональной культуры
произошло возрождение намеченного Пиксановым подхода. В
обобщающей статье Е. И. Дергачевой-Скоп и В. Н. Алексева
уточняется, что концепт «культурное гнездо» – это «способ опи-
сания взаимодействия всех направлений культурной жизни про-
винции в период ее расцвета, в такой период, когда эта провинция
становится не безразличной тому центру, к которому она тяготе-
ет». При этом, как подчеркивают авторы, выявляются как обще-
русский уровень культурного развития, так и специфически про-
винциальные закономерности в совокупности с конкретно-
региональными особенностями¹⁵. Провинция может рассматри-

¹⁴ См.: Пиксанов Н. К. 1) Три эпохи. Екатерининская, Александров-
ская, Николаевская. СПб., 1913; 2) Областные культурные гнезда. Исто-
рико-краеведный семинар. М.; Л., 1928; 3) Областные литературы и ли-
тературное областничество // Литературная энциклопедия. М., 1934. Т. 8.
Стб. 160—165.

¹⁵ Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. Концепт «культурное гнездо»
и региональные аспекты изучения духовной культуры Сибири // Куль-

ваться как «особая культурная единица России» или «как регион, тяготеющий к иной провинции». Этот параметр в изучении литературы оказывается особенно продуктивным при изучении книжно-рукописной традиции. Закономерно, что он был использован в работах В. И. Мальшева, близкое понятие сформулировано А. А. Амосовым.

В диссертации *культурное гнездо* соотносится с другими структурными единицами: *культурный очаг* и *культурный центр*. Конкретизируются условия их появления, зависящие от различных факторов: географических, экономических, исторических, личностных и т. д. Особое внимание уделяется *культурным гнездам*, которые обладают наибольшей «антропологичностью», механизм передачи и воспроизведения культурных навыков в них основан на семейно-родовой преемственности и поддержке. В культурном гнезде формируются многогранные аспекты культурного потенциала. Это наличие личных связей между членами общества, приводящие к созданию творческих объединений. Большую роль играет общественное признание деятельности, создающей локальное духовное пространство, опора на собственные силы. Стремление к дальнейшему развитию культуры, растущее самосознание формируют чувство гордости и местного патриотизма.

В строгановском регионе культурные гнезда появляются во второй половине XVII в., и их жизнь продолжается длительное время. Затухание также имеет свои причины, связанные с перебазированием производства, природными и социальными катастрофами.

Во втором разделе «*Сборник проповедей «Статир» в культурно-историческом контексте*» рассматриваются особенности культурных гнезд Соликамска и Орла-городка, где был написан уникальный рукописный сборник поучительных слов «Статир». В предисловии к памятнику автор пишет, что сборник был задуман, когда он служил в соликамской церкви, а завершен по заказу Г. Д. Строганова в 1683–1684 гг. Рукопись была открыта в первой половине XIX в. А. Х. Востоковым. Он дал ее описание и опубликовал отрывок из предисловия к поучительным словам, которые явственно свидетельствовали о риторическом таланте автора. Во второй половине XIX в. личность безымянного пропо-

турное наследие Азиатской России. Материалы I-го Сиб.-Урал. ист. конгр. Тобольск, 1997. С. 6.

ведника становится предметом внимания И. И. Малышевского и И. Яхонтова. Новую жизнь в науке памятник получает после уточненного и подробного описания рукописи П. Т. Алексеевым, которое сопровождалось раскрытием тем некоторых поучений и перечислением использованных в памятнике источников¹⁶. В XX в. «Статир» был предметом внимания А. С. Елеонской, А. С. Демина в связи с характеристикой русской литературы XVII в.

В связи с изучением сборника в диссертации рассматривается ряд проблем. Первая из них – состояние культурного пространства, в контексте которого появляется данный памятник. В диссертации дается многосторонняя характеристика Соликамска, который своим стремительным экономическим ростом и формированием слоя соляных предпринимателей и торговцев в XVII в. отличался от традиционных регионов Руси. Представляется неслучайным, что сочинение во многом новаторского сборника проповедей, на страницах которого описываются человеческие страдания и звучит страстный призыв автора к общественному совершенству, происходит в названных местах.

В главе рассматривается процесс насыщения Строгановского региона книжно-рукописными памятниками, обусловленность этого миграционными потоками и деятельностью представителей рода Строгановых. Начало приобретению книг для уральской вотчины было положено в XVI в., но особенно заметны в формировании библиотеки усилия Г. Д. Строганова (1656–1715), который всегда стремился идти в ногу со временем и постоянно пополнял запасы церковно-служебной и четьей литературы последними по времени печатными изданиями, причем как московскими, так и украинскими (разыскания Н. А. Мудровой). Среди книг были близкие по времени появления издания, соприкасающиеся со «Статиром» в содержательном плане. Для автора «Статира» покровительство Строганова давало не только материальную возможность реализации творческих планов, но и ощущение творческой автономности и независимости.

В третьем разделе *«Автор «Статира»: художественный образ и исторические реалии»* поднимается дискуссионный вопрос об авторе, его личностной и творческой характеристике.

¹⁶ См.: Алексеев П. Т. «Статир» (описание анонимной рукописи XVII века) // Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965. С. 92–101.

Всеобщее удивление исследователей вызывал ораторский профессионализм, высокий художественный уровень поучительных слов в сочетании с подчеркнутой простотой происхождения и провинциальным местопребыванием автора.

Конкретное имя и биографию со ссылкой на неопубликованные изыскания П. Т. Алексеева предложил А. А. Введенский¹⁷. Автором «Статира» был назван Потап Прокофьев (Прокопьев), сын Иголишников, которому до службы в храмах Соликамска и Орла-городка приписывалось участие в разинском восстании и последующее послушание в Пыскорском монастыре. В диссертации приводятся все «за» и «против» выдвинутого предположения и ставится вопрос о формировании в произведении художественного образа автора в соответствии с представлениями о писателе, свойственными XVII в. Наиболее смелые и творчески независимые писатели во второй половине XVII в. (Симеон Полоцкий, протопоп Аввакум) прибегают к усилению читательского интереса, создавая собственные литературные биографии.

Писатель «Статира» создает образ автора, на равных с другими персонажами существующий в тексте проповедей. Отсюда его безымянность. Появление безымянных персонажей в XVII в. Д. С. Лихачев назвал «одним из самых значительных переходных явлений». Безымянность героя, по его словам, «облегчила путь вымыслу, путь к созданию типических, вовсе не идеализированных образов»¹⁸. А. С. Демин связывает возникновение безымянного героя с категорией отчуждения читателя от литературы, то есть со становлением собственно эстетического отношения к тексту¹⁹. В статье Ю. М. Лотмана о литературных биографиях подчеркивается, что автор перестает быть посредником, доносящим божественную истину до читателя. Он в полной мере становится создателем текста, и читатель получает возможность формировать собственное отношение к произведению. Автору приходится доказывать свою правоту, и «личная человеческая честность автора делается критерием истинности его сообщения»²⁰. Лотман считает, что эта проблема в основном решалась

¹⁷ См.: Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М., 1962. С. 240–241.

¹⁸ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 114.

¹⁹ См.: Демин А. С. Писатель и общество в России XVI–XVII веков. (Общественные настроения). М., 1985. С. 186.

²⁰ Лотман Ю. М. О русской литературе. СПб., 1997. С. 808–809.

на протяжении XVIII в., что особенно обострилось в связи с внеэстетическими задачами литературы. Появление образа автора в «Статире» свидетельствует об исключительности творческого начала, присущего писателю, выявляет его взгляды на задачи литературы, близкие русским реформаторам.

В четвертом разделе *«Идея общественного совершенства в православной риторике «Статира»* рассматриваются традиции риторического искусства Древней Руси и корреляция представлений о красноречии в связи достижениями украинской проповеднической школы XVII в. В конце века соликамско-орловский проповедник не довольствовался приведенными заготовками, которые должны были гарантировать идеологическое единообразие и соблюдение богословского уровня произносимых поучений. Автор обращается к творческим достижениям украинских проповедников первой половины XVII в. и обосновывает свой выбор. Обращаясь во вступлении к цитированию источника, он объясняет, что сделал это не для того, чтобы присвоить себе «чужой труд» или «в чужем разуме себе разумная явити», а «за сладость речений», которая «зело приличествовала» к его «сложению» (л. б).

Особое внимание в этом разделе обращается на те проповеди «Статира», которые в наибольшей степени вбирают в себя особенности «культурных гнезд» строгановского региона. Каждое поучение обладает сложной художественной структурой, состоящей из двух частей. Первая часть, основанная на притчах Священного писания, автором драматизируется, в нее вводятся диалоги, монологи и размышления героев, появляются конкретизирующие детали. Во второй части излагаются события каждодневного характера, появляются образы живущих рядом людей, простых прихожан, жизнь которых полна отступлениями от христианской нравственности. Проблемы веры и обыденной жизни в проповедях оказываются уравновешены. Притчи Священного писания становились притягательно близким, а земные проблемы получали освещение в контексте вечного противостояния добра и зла.

Проповедник стремился направить горожан на преобразование земной жизни, подтолкнуть их к активной деятельности на благо себе, церкви и Строганова. В диссертации дается сюжетно-тематический анализ ряда притч, выявляется их гуманистическое общечеловеческое звучание, рассматривается направленность проповедей «Статира» в соотношении с западноевропейскими по-

учениями, относящимися к бюргерскому сословию, отмечается сходство и различие в содержании.

Для автора «Статира» было актуально, приблизив церковь к изменениям времени, преодолеть явственно возникающую пропасть между светской и церковной сферами жизни. Сочинение сборника в этом контексте можно рассматривать как обращение к стабилизирующему началу евангельского слова, цель которого – защитить распадающуюся нравственность на пороге Нового времени, с одной стороны, и скорректировать новые веяния жизни в соответствии с православной традицией – с другой.

Глава 2. Рукописная библиотека XVIII – начала XIX в. из культурного гнезда Слудка-Ильинское: владельцы и состав

Рукописное собрание крестьян строгановской вотчины является уникальным памятником духовной культуры, переданным в Пермский областной краеведческий музей потомками владельцев книг. Из 30 книг собрания 20 рукописей относятся к XVIII в. и 10 – к первой четверти XIX в. В данном случае есть основание рассматривать это собрание как скомплектованную крестьянскую библиотеку из сел Слудка-Ильинское, не имеющую себе равных в уральской письменности этого времени по подбору книг и их сохранности. С 1749 года Слудкой владеет барон С. Г. Строганов, в круг интересов которого входили проблемы просвещения крестьян. Рост села и экономическое укрепление состояния его жителей были обусловлены значением Слудки для развития речного транспорта по Каме. Судходство становится для сельчан традиционным занятием с XVII в. На время судходства крестьяне переходили на положение наемных рабочих. Участие жителей Слудки в сопровождении торговых караванов развивало предприимчивость, существенно расширяло представления крестьян о мире, позволяло встречаться с новыми людьми, ликвидировало деревенскую замкнутость и сказывалось на формировании жизненных ценностей.

Рукописное собрание свидетельствует о вовлечении в литературный процесс Урала XVIII в. демократической части населения. Эта библиотека вместе с рядом других исторических документов старательно собиралась и хранилась на протяжении нескольких поколений народных интеллигентов. Особенностью собрания является многочисленность записей на книгах, говорящих о времени появления рукописей, их владельцах, выявляющих путь

рукописи к читателю и доносящих важную информацию о взаимоотношениях читателей. Большая часть книг XVIII в. связана с родом крестьян Демидовых, но встречаются имена Григория Богданова, Василия Плотникова, Семена Кожевникова, Алексея Винокурова. В записях выявляется гордость крестьян от их причастности к письменной культуре.

Описание крестьянской библиотеки, приведенное в Приложении, дает основание для вывода о широком круге интересов читателей-крестьян. В библиотеку входили памятники традиционной христианской письменности (жития, книги Священного писания, молитвенники), но доминантой собрания были произведения беллетристического характера: рыцарские повести, исторические и сатирические повести, апокрифы, лечебник, сборники с афоризмами, пародийная переписка и т.п.. Содержание рукописей начала XIX в. совпадает с сентиментальным направлением в развитии литературы.

Глава 3. Памятники литературы в рукописной традиции строгановских крестьян

В главе привлечены к изучению наиболее интересные произведения письменности, входящие в крестьянскую библиотеку, в их региональном своеобразии.

В первом разделе *«Молодетская слава» казачества в исторической памяти народа»* отмечается, что важнейшим аспектом исторической памяти уральцев явилась высокая оценка казачества в жизни русского государства. В представление о характере казачества входили вместе с неперменным вольнолюбием и авантюризмом храбрость, верность, честность, чувство собственного достоинства. Сплачивающими факторами для казачества становятся демонстративная любовь к Русской земле, верность православию, служба не по обязанности, а по долгу и убеждению. Рассматривается литературный контекст, в котором находила образное воплощение тема казачества на территории Строгановских владений: «Строгановская» летопись и «Кунгурский летописец». В этих сочинениях можно выявить доминирующую идею честного и верного служения казаков государю, олицетворявшего собой Русь. В сочетании с общепризнанным вольнолюбием это привело к формированию казачьей идентичности. Тема единения русских людей разных сословий перед лицом общей беды и общей вели-

кой цели была особенно востребована в конфликтных ситуациях, которыми была полна история колонизации Сибири XVII века.

Памятники словесного творчества казачества оказались в сфере внимания книжников Слудки. В рукописную библиотеку входят произведения, связанные с событиями жизни донских казаков. Одно из них – воинская повесть XVII в. об Азове, созданная в казачьей среде на основе художественного осмысления реальных исторических событий 1637–1642 гг. Памятник повествовал об удивительных по дерзости и смелости военных столкновениях казаков с турками. Соотношение сил казаков и противостоящих войск Османской империи было настолько несоизмеримым, что пятилетнее владение казачьим войском ключевой для торговых путей Азовской крепостью казалось чудом.

Рукопись с «Повестью об Азове» (ПОКМ, 11907, № 19. Л. 1–10) была создана в 1778 г. Григорием Богдановым. Сопоставление с выявленными опубликованными редакциями (См.: Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949) показывает, что Пермский список, будучи ближе всего к «поэтической» Повести об Азове, ее краткой IV редакции (классификация А. С. Орлова, А. Н. Робинсона), имеет существенные отличия от опубликованного текста. В нем сокращены подробности в передаче картины сражений, нет детализированных описаний военных операций, что делает повествование более обобщенно эпическим. В сюжете остались самые яркие эпизоды, драматизирующие действие: нападение турок, переговоры с посланниками царя Брагима, описание мужества казаков и выражение их готовности умереть, отказ от предательства, уход в монастырь. Эпический стиль повествования сохраняется и в посланиях казаков. Элементы деловой отписки, свойственные другим редакциям повести, здесь нивелируются. Пермский список относит события к прошлому, и в этом он перекликается со «сказочной» редакцией повести. В описании взаимоотношений казаков с турками для читателей ценной оставалась интонация насмешки над врагами, выраженная в словах казаков, якобы согласных «служить» противнику. При этом неоднократно используются приемы метонимии и иносказания, свойственные фольклору. Гордость, достоинство и бескорыстие казаков подчеркнуты автором в афористическом отказе от предлагаемых турками компенсаций за сдачу Азова-града: «Не дорого нам, казакам, ваше злато и добро, дорога нам слава молодетская» (л. 9 об.).

В то же время Пермский список не останавливается на конкретных образах казаков, их черты сливаются в единое пред-

ставление о казачестве. Будучи написан от первого лица множественного числа, список имеет пафос мемората, в тексте возникает образ коллективной памяти о событии. Наличие элементов чудесного и необычного приближают произведение к жанру легенды. Исходя из этого, можно прийти к заключению о характере исторической памяти, свойственной читателям описываемой библиотеки. Она находится ближе к фольклорному восприятию истории, где в центре внимания – выдающиеся события прошлого, отложившиеся в родовой памяти

С вольнолюбием и озорством, использованием народной «площадной» брани связан второй памятник казачьей литературы из библиотеки строгановских крепостных – «Письмо чигиринских казаков турецкому султану» (ПОКМ, 11907, № 2, л. 9). Живой и ярко эмоциональный памятник существовал в русской, украинской письменности и пересказывался устно. Изучение и публикация памятника начались в XIX в., и к настоящему времени, благодаря исследованиям русских и украинских славистов, уточняющим и вводящим в науку новые списки XVIII в., работам М. Д. Каган-Тарковской и обобщающему труду Д. Уо (D. Waugh)²¹, выявлена его рукописная традиция. Рукопись, принадлежащая роду крестьян Демидовых, была переписана в 1778 г. Новонайденный текст, при всей несомненной преемственности с рукописной традицией, имеет оригинальный контекст бытования и связанные с этим особенности поэтики.

Памятник представляет собой два послания, в одном из которых, написанном от лица турецкого султана, чигиринцам под угрозой смерти предлагают сдаться, во втором – ответном послании – гордые казаки со свойственными им раскованностью и отказываются от «милости» султана, рисуя свое отношение к нему с использованием лексики народного красноречия. Будучи по происхождению в одной из функций оберегами-заклинаниями, срамословия в процессе бытования подверглись существенному переосмыслению, утратили магическую сущность и обрядовый характер. Брань в традиционной народной культуре Средневековья была связана с так называемой «фамильярно-площадной речью» и была выражением, по мнению М. Бахтина, карнавального

²¹ *Waugh D. C. The Great Turkes Defiance. On the History of the Apocrypha Correspondence of the Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants. Columbus, 1978.*

мироощущения, в процессе которого формировался «идеально-реальный тип общения между людьми, невозможный в обычной жизни». Брань способствовала созданию между людьми контакта, «не знающего никаких дистанций». Определенную запретность темы ощущал и переписчик Василий Демидов, который решительно заявил в записи, что «кроме меня, Демидова, до сей книги никакого дела никому не касается» (л. 1).

На наш взгляд, в восприятии памятника происходит утрата пародийности, о чем свидетельствует «конвой» произведения: памятник переписан вслед за апокрифом «Иерусалимский свиток», в котором отражаются крестьянские представления о зависимости судьбы человека от Божественного предопределения. Остается то, что было присуще памятнику в связи с его ориентацией не на дипломатическое послание, а на жанр послания вообще. Традиция пышного титулования была знакома крестьянам по государевым грамотам и челобитным. Многие владельцы рукописей работали в администрации вотчины.

Парадоксальным образом угрозы Султана и бесстрашный ответ чигиринцев, переходящий в площадную брань в «Переписке», перекликаются с угрозами беспощадного и грозного Бога в апокрифе. В пермском списке после гиперболизированных титулований следуют угрозы, параллели к которым находятся в эсхатологических апокрифах: «...от грозы моей море возмутится, рыбы вострепещут, лес поклонится, травы постелятся, цветы увянут, и птицы вострепещут. В небеси луна взыграет, солнце померкнет, луна помрачится. От страха моего земля постонет, основание земное потрясется, камень распадется, и вся твари убоится, от мечей моих и блистаниев на ваши головы» (л. 9). Нарушение пародийной традиции мы находим и в ответе казаков. После традиционных уничижительных титулов идет характерное для заговорного текста заклятие: «Пропади ты на своей земли и поди во дно адово, ко отцу своему, сатане, ко товарищам ево, бесам, а у нас около города Чигирина, на поле и в степях звери рыщут, волки воют, собаки лают, вороны грают» (л. 9). Пародия начинает восприниматься как способ воздействия на злые силы, способ отринуть сатану, уберечься от напастей, обезопасить себя и свой мир. В народной культуре сохраняется представление, что брань имела изначально магическую функцию. Вызывая смех, она противостоит смерти и несет в себе жизнеутверждающее начало.

Во втором разделе «Проблема судьбы в сатирическом сборнике XVIII в.» представлена рукопись с текстами демократической сатиры XVII в. (ПОКМ, 11907, № 18). В сборнике переписано шесть сатирических произведений в вариантах, обладающих внутренним единством. Первой под заголовком «Повесть о пьянстве и о покаянии» воспроизведена «Повесть о бражнике». Список из крестьянской библиотеки входит в группу редакций, где во введении «задается облик главного героя, не лишённого добродетелей» (О. Н. Фокина), поскольку бражник «за всякою чашею господу прославлял, а на всякую ночь господу молился». Автор пермского списка стремится к своеобразной драматизации диалога, наполняя его резкими выпадами бражника против христианских авторитетов. Царя Давида бражник называет убийцей и прелюбодеем, апостола Павла – убийцей, а Николая-угодника – бражником.

Наибольшее изменение претерпевает заключение повести. Последней фразой бражника, по сути, снимаются все его обвинения святым отцам, произведение получает откровенно комическую окраску, эффект неожиданности придает произведению еще большую занимательность: «Бражник же, вшед в рай, поклонися кресту Христову и рече: «Благодарю тебя, Господи боже мои, и яко сподобил еси в рай. Не постави, Господи, во грех, поелику, Господи, в шутку, что я всех святых укорил, а сам в рай вшед». Обличительный пафос заменяется идеей, что можно хитростью, умом и ловкостью одержать победу в самых, казалось бы, безнадежных ситуациях. Начало повести с подчеркнута благочестивым заголовком и шутовское заключение составляют своего рода сюжетно-композиционный оксюморон. В содержание проникает игровой момент, интригующий читателя неожиданностью развязки, придающий повести остроумную пикантность. «Низкий» герой одерживал интеллектуальную победу над высочайшими христианскими авторитетами, и в повести явственно звучала ироническая нота. Читатель, поверивший в серьезность обвинений и обличений бражника, сам оказывается в роли простака, не понявшего правила игры.

Переписывая следующую сатирическую «Повесть о Шемякином суде», автор рукописи указал: «Выписано из жарта книг», сознавая новаторскую природу памятника, показывающего в роли положительного героя плута и хитреца. В Повести две части. В первой показано, как «убогий» по нелепой случайности становится преступником, во второй – судебный процесс судьи Ше-

мяки и неожиданные решения. В тексте повести подробно описываются обстоятельства, при которых «убогий» совершил невольные преступления. При сравнении пермского списка с опубликованными текстами XVII в. обнаруживаются показательные различия. Пермский список делает упор не на месте действия, а на времени: «В неких летех...». Дальнейшие сюжетные повороты начинаются с указания: «И в то время...» Притчевая природа текста перетекает в повествование, развернутое во времени.

За счет введения прямой речи в пермском списке объемнее и живее нарисован образ «убогого». Появляется образ его жены, которой тот рассказывает о своих передрягах и к которой возвращается в конце повести. Действия главного героя описываются с новыми деталями и конкретизацией, создающими многогранное динамичное изображение.

В «Повести о Шемякином суде» иронически показана тонкая грань между справедливостью и произволом. Решения Шемяки парадоксальны, хитроумны и по-своему логичны. Они напоминают хорошо известные в древнерусской литературе притчи о судах Соломона, которые повествовали о мудрости правителя и его проницательности при разборе конфликтов. Неожиданные решения Соломона разоблачали неправых и утверждали справедливость. Судья Шемяка использует закон для личного обогащения, насмехаясь над самим понятием судейской мудрости. Невероятным образом, но решения судьи оказываются (по законам жизни, а не по законам Уложения) в пользу обиженного судьбой «убогого». Справедливость достигается через неправый суд, жизнь смеется над хитроумными и, казалось бы, дальновидными героями. В итоге торжествует не справедливый закон, но и не неправедный суд, а та высшая справедливость, в которой человек оценивается во всей сложности жизненных обстоятельств, а не в контексте случайных криминальных ситуаций.

Показывая поворот в судьбе «убогого», пермский список с крестьянской обстоятельностью перечисляет полученные им невероятные штрафы, увеличивая их с каждым разом. В конце повести перед читателем разворачивается своеобразная крестьянская утопия, когда безлошадный, всеми обижаемый становится обеспеченным хозяином, обретает благополучие не только в настоящем, но и в будущем. Рассказчику важно подчеркнуть те моменты, которые мы отмечали и в предшествующем произведении: благополучие приходит к человеку не как нечто ниспосланное свыше, а как результат собственной предприимчивости.

Своеобразной травести к повестям с умелыми и активными героями является «Повесть о Фоме и Ереме», называемая в пермском сборнике «Повестью о двух братьях». В произведении, по выражению И. П. Смирнова, создается комическая ситуация «мнимого различия» Гиперболизированно комически показана непригодность братьев к какой-либо работе, перед читателем кривое зеркало хозяйственного героя. Этим своего рода балаганным шутам, дуракам, которые все делают наоборот, выносятся приговор: «И тако двум братом Ереме с Фомой конец» (л. 19).

Повесть написана рашным скоморошным стихом, перемежающимся по закону контраста прозой, с активным использованием просторечных слов и выражений. В сочетании с «Повестью о суде Шемяки» она дает пример оборотного, изнаночного смысла судьбы.

В ряду памятников, остроумно представляющих превратности судьбы, стоит «Повесть о кура и лисице». Помимо трактовки значения данной повести для обличения «формального благочестия» (формулировка Н. К. Гудзия), более конкретно-исторической представляется связь Повести с введением обязательной исповеди для всех православных в течение года и с превращением ее в полицейскую меру. «Духовный регламент», изданный в 1721 г. «тщанием и повелением» Петра Первого, окончательно узаконил контроль за регулярным приходом к причастию и исповедью.

В пермском списке усиливается ритмизация прозы. По объему список существенно короче опубликованных, из всех «грехов» кура обсуждается только грех многоженства и обвинения лисицы, что ее чуть было не поймали из-за «неистового гласа» кура, когда она, «мати-лисица», пришла к крестьянскому двору в голодный год «единого куренка съесть». Опускает повесть обвинения кура в семейных распрях и аргументацию, что нельзя служить двум хозяевам (крестьянину и лисице). Повесть обретает динамичность, явственно выявляя столкновение хитрости и ума. Как и в «Повести о бражнике», сокращение текста идет в основном по пути упрощенного цитирования Библии. Пермский список к соревнованию в хитрости добавляет ясно звучащие мотивы социального столкновения, подчеркнутые иронией автора. Лиса обвиняет кура в тупости и провинциальной глупости, так как он сидит в крестьянском дворе, тогда как «нас на Москве знают: цари и патриархи, князи и бояра, и гости торговые носят в шубах и в шапках...». В словах кура рисуется утопический крестьянский мир

с «белояровой пшеницей и медвяной сытой». Кур высоко ценит свое участие в общем труде: «...и как запою, будто в золотую трубу затрублю, и в то время услышат наш глас от сна пробудятся и хвалу Богу воздают, к церкви Божия ходят на славословие, а крестьяни стоят и на всякую работу свою ходят» (л. 20).

По некоторым выражениям пермский список повести напоминает сказку. Например, в использовании тавтологии: «И кур начал он думу думати и почал спускатца с елки на елку, с сучка на сучок». Близость нашего варианта к фольклору видна и в развязке, победа достается хитроумному куру. Пермский список сочетает прозу и скоморошьи байки, использует фольклорные повторы, придающие эпическую неторопливость и напевность тексту. Повесть убеждала читателя сохранять присутствие духа в самых неблагоприятных обстоятельствах, надеяться только на себя, свой ум, изворотливость и ловкость.

Все эти повести возникли и переписывались в сложную эпоху качественного изменения жизненного уклада. Возникает представление о важной роли случая, способного перевернуть жизнь. Судьба, в понимании писателя, теперь начинает зависеть не только от воли Божьей, но и от стечения обстоятельств и способностей человека. Ухватить удачу удастся не каждому, фортуна переменчива. Об этом рассказывает повесть из этого же сборника «Азбука о голом и небогатом человеке», где речь идет о том, как ощущает себя человек, оказавшийся внизу социальной лестницы.

По степени осознания превратностей судьбы, пониманию героем своей зависимости от богатых и вместе с тем его нежеланию мириться с этим положением повесть не знает себе равных в древнерусской словесности. В пермском списке «Азбука» представлена в полном варианте и не повторяет дословно ни один из опубликованных текстов. Повествование существенно разнообразится, и в ряде случаев вместо афористических выражений появляются образы «изнаночного мира»: «Щаслив я был в богатстве, кафтан сошил из добрых рядных, старых гнилых рогож немецкой, пуговицы помосковские, часто точенные ис тлену, сапоги были из лыку сплетены, а кораблик сплетен был с подковыркою берестяной. А в том меня хотели ограбить, едва смог от беды себя избавить, дал им за честь 3 косяка добраго сукна еицкаго. Снимано было по весне с сосен зеленых» (Л. 24).

В «Азбуке» отражена новая грань многомерной оценки потенциальных изменений в жизни человека.. В мысли крестьян зреет ясная убежденность, что бедность не дается человеку от рожде-

ния и до конца его дней, от бедности можно избавиться или нищим можно стать в силу обстоятельств и неумения человека справляться с препятствиями. Мысль об активности личности сопровождается горьким осознанием невозможности избежать трагических поворотов судьбы. «И прииде вси человецы, разумеите судьбу жития сего», – призывает автор сборника. Все статьи сборника, рисуя картину противоречивой, изменчивой жизни, имеют непредсказуемые развязки. Образно-стилевое многообразие памятников образует причудливую мозаику, равновеликую пестроте жизни.

Рукопись раскрывает перспективу развития крестьянского самосознания на грани перехода в сословие свободных предпринимателей и торговых людей. В разных аспектах интеллектуальной игры с читателем, подключая неожиданные сюжетные решения и словесное озорство, повести подводили человека к смелости в принятии самостоятельных решений, готовности к новым поворотам судьбы.

В третьем разделе *«Рукописный лечебник XVIII в. из крестьянской библиотеки»* рассматривается сборник с рецептами и хозяйственными советами (ПОКМ, 11907, № 20), который Василий Демидов, переписывая его в 1788 г., называет «Лечебником».

Рукопись включает в себя 82 рецепта, все они аккуратно пронумерованы самим переписчиком. Доминируют в сборнике советы по использованию лечебной силы растений. Данные этой своеобразной фитотерапии разнообразны и в целом ряде случаев находят аналогии в современной медицине. С обращением к травам было связано не только лечение конкретных недугов, но и стремление воздействовать на судьбу человека. В сборнике указаны травы, способствующие доброму отношению окружающих к человеку и счастью «в судах и в торговле». При употреблении травы «измоден» человек «скорби не узрит и смерти», буквица придает человеку смелость – «кто на себе носит, не боится ничего от всех лиходеев».

Кроме лечебных советов, в сборнике имеются примеры хозяйственной магии. Показательно, что в сборнике нет упоминания о суевериях, связанных с полевыми работами или судьбой урожая, и только несколько советов, касающихся домашних животных. Рекомендации рационально-практического характера (как склеивать разбитую хрустальную посуду) переплетаются с фантастиче-

скими представлениями. Отражает рукописный сборник момент особого отношения к магии написанного слова.

Заговоров в сборнике Василия Демидова сравнительно мало. Завершают сборник советы по предсказанию судьбы, что, в известной мере, противоречило христианскому вероучению, по которому только Богу известно будущее человека. Сборник Демидова — своеобразная житейская энциклопедия, советы которой должны были служить процветанию хозяйства и способствовать благополучию семьи и человека. По мнению В. В. Колесова, «по материалам травников и лечебников более, чем по другим источникам, можно судить о частной жизни средневекового человека». О широком распространении в Пермской губернии веры в колдунов, наводящих порчу, о лечении наговорами, о существовании примет «на счастье и несчастье» писал в своем обзоре губерний России XIX в. Х. Мозель.

4. Сборник латино-русских афоризмов из рукописного собрания строгановских крестьян. Уникальной для крестьянской библиотеки явилась рукопись, содержащая «параллельные» паремии на латинском и русском языках. На восьми листах рукописи расположено 257 латинских и 224 русских пословиц (ПОКМ, 11907, № 22.). Внешний вид рукописи свидетельствует, что перевод латинских афоризмов принадлежит составителю. Над некоторыми латинскими выражениями надписаны дословные переводы. На основании ряда записей в рукописях библиотеки можно приписать авторство сборника служащему канцелярии вотчинного правления Григорию Богданову.

В рукописном сборнике Григория Богданова, несмотря на его провинциальное происхождение, реализована смелая «заявка» на осмысление равнозначности европейской (в форме латинской образованности) и национальной словесной афористической традиции. Автор творчески совмещает артефакты двух культур, имеющих различный для читателя генезис (письменный текст и устный), хотя в заголовке рукописи «*Пословицы из книг выбранные*», это различие игнорировалось. Русский текст паремии в сборнике ставится на один уровень с признанными произведениями афористического искусства – латинскими текстами. При этом составитель тщательно подчеркивает преимущества русского аналога: несмотря на хваленую лаконичность латыни, русская часть, в целом, и большинство русских пословиц, в частности, более коротки, чем латинские. Многие русские паремии даны аналогом к

нескольким латинским (двум или, реже, трем). Встречается полное изменение общего значения паремии из латинской части, что, видимо, говорит не столько о недостаточном владении автором латинским языком, сколько о том, что составитель жертвует формой, лексическим наполнением и даже функциональной семантикой паремии в пользу красивой, меткой фразы. Например: выражение «Сухая лошка рот дерет» заменяет латинское высказывание «В телеге из-за колеса скверного все скрипит». Помимо традиционных пословиц и поговорок, в сборнике присутствуют выражения виршевого характера, более связанные с литературной традицией: «И верность, и жену с приданым и приятством, и род, и красоту одно дает – богатство», которым переведено выражение «*Scilicet uxore(m) cu(m) dot e[t] fidemq(ue) et amicos et genus et forma(m) regina pecunia dedit* (Как известно, жену с приданым и верностью, и друзей, и род, и красоту деньги дают)». Ироническая насмешка явственно проглядывает и в некоторых переводах Григория Богданова. Сравним: «*Cantabit vacu(um) cora(m) patrone viator* (Пел попусту перед покровителем путник) – Убогой не боится разбоев; *Herculis cothurnos aptare infantis* (Котурны Геркулеса надевать на младенца) – Накладывать на корову седло». Возможно, нет оснований утверждать, что этот эффект был просчитан составителем-переводчиком, но воздействие могло оказать насмешливо-ироническое отношение к жизни, столь характерное для общественного сознания предкризисных эпох. Анализ рукописи позволяет говорить о творческом потенциале автора при осмыслении богатств родного языка в сравнении с латинским. Составитель сборника осознавал важные признаки русской пословицы (емкость формы и содержания, афористичность, универсальность) и жертвовал точностью перевода для того, чтобы подчеркнуть красоту русского языка. Он ставит русские пословицы на один уровень с «жемчужинами» мировой мудрости.

В сборнике Богданова воплощены тенденции культурно-исторического развития уральского края в XVIII в. Это распространение крестьянской образованности и повышение престижа европейской учености, развитие интереса к фольклору и формирование «низовой фольклористики», дальнейшее развитие которой представлено далее.

Глава 4. Рукописное наследие строгановского служащего Алексея Пищалкина

В первом разделе «Административные утопии главного члена правления» восстанавливается биография и письменное наследие Алексея Пищалкина, прошедшего трудный путь от конторского писца до Главного члена правления строгановской вотчины. Для русской фольклористики издавна характерен «повышенный интерес к личности певца или сказителя» (М. К. Азадовский). В архиве Строгановых (РГАДА, ф. 1278, оп. 2, д. 2469. Л. 3 об., 22) сохранились «записки» А. А. Пищалкина к управляющему Пермской частью строгановского имения Федору Волегову по поводу усовершенствования ведения хозяйства, относящиеся к 1850 г. Первая озаглавлена «О строительстве каменных домов бедными крестьянами». В ней он обосновывал необходимость строительства крестьянами собственных кирпичных домов. Этот деловой проект Пищалкин превращает в душещипательную живописную картину. Основными читателями, как предполагал автор, должны были быть члены правления, управляющий и владелец имения. Главным героем своего повествования Пищалкин делает безымянного «Члена Вотчинного Правления», который выступает в роли мудрого советчика, убеждающего крестьян построить дома из кирпича, что избавит село от пожаров и надолго обеспечит крестьян жильем. Образ дома как главная мечта крестьянина становится символом заботы администрации о подданных. Следует отдать должное усилиям Пищалкина, который думал о местной реформе и пытался улучшить положение крестьян, чтобы «снять» тем самым чувство ожесточения, ведущее к социальным конфликтам.

Во второй докладной записке (1851 г.) он писал о пьянстве крепостных крестьян на ярмарках и о необходимости превентивных и карательных мер (РГАДА, ф.1278, оп.2, д. 1434. Л. 290 об.–291). В народной культуре ярмарка имела значение не только как место торговли. Это была часть праздничного времени крестьянства, по образному высказыванию исследователя Л. А. Тульцевой: «...всего торжества на ярмарке – это предтеча праздничного всеяствия»²². Буйный характер ярмарки символизировал энергию жизни. Новые приобретения, совершенные торговые операции, встречи

²²Тульцева Л. А. Престольный праздник в картине мира (мироколице) православного крестьянина // Православная жизнь русских крестьян XIX – XX веков: Итоги этнографических исследований. М., 2001. С. 160.

старых друзей и возникновение новых дружеских взаимоотношений – все это говорило о потенциальных жизненных изменениях и стимулировало предприимчивость. Однако, в стремлении вписать себя в новый «ученый» тип культуры А. Пищалкин решительно отвергает подобное представление, трактуя ее как деловое предприятие, функция которого сводится исключительно к торговым операциям.

Из-под пера Пищалкина появляется пространное описание опасного времяпровождения торгующих крестьян на ярмарке, говорящее о формировании нового идеала поведения в менталитете вышедшей из крестьянства административной верхушки. То, что предлагает Пищалкин, соединяет в себе традиционные представления об общинной ответственности с мыслью о неотвратимости наказания, обеспеченного тотальной слежкой и доносом. Ощущение свободы, которое человек обретал в ярмарочной атмосфере, воспринималось администрацией как опасное «безначалие» и требовало постоянного контроля. Границы между нравственным и безнравственным в понимании ревностного администратора смещаются в сторону интересов администрации, и он предлагает наказывать за доносы и выдавать премию за донос. В сознании Пищалкина оптимальным представляется порядок, сохраняющий иерархическую упорядоченную структуру, основание которой покоится на подчинении и абсолютном доверии к администрации, убежденности в ее справедливости и милосердии.

Во втором разделе **«Народная герменевтика в сборнике фольклорных паремий»** продолжается изучение письменного наследия А. А. Пищалкина и его попыток соединения народной и «ученой» культуры в сборнике народных афоризмов. Собираанию памятников народного красноречия на Урале положил начало известный государственный деятель и ученый В. Н. Татищев в 30-х гг. XVIII в., ее продолжили местные народные интеллигенты (Зырянов, Волегов).

При хранении и публикации паремий существовала практика систематизации материала по алфавиту. Паремия вырывалась из контекста и соединялась с достаточно абстрактным символом – буквой, но при наличии вариативности пословиц эта классификация теряла смысл. Известно, что В. И. Даль отказался от этого принципа и систематизировал пословицы на тематической основе. При этом многозначность пословицы, возможность ее употребления в переносном смысле приводили к тому, что Даль был вынужден

жден дублировать конкретные высказывания, включая их в различные тематические группы. Затруднен и процесс поиска нужной паремии для сравнения. И хотя эта проблема больше исследовательская, чем читательская, для задачи пополнения фонда русских пословиц она была очень существенна.

А. А. Пищалкин разделил материал на две большие группы и расположил по алфавиту, дав паремиям сквозную нумерацию. В заголовке к сборнику он особо отметил употребление пословиц «в простом народе Пермской губернии». В первой части приведена 331 пословица, вторая часть – «поговорки и названия, частью загадки и остроты» – содержит 332 выражения. Он понимал отличие пословицы от меткого выражения и оценочной лексики. Во второй части он тоже систематизировал материал: в нескольких разделах воспроизведены не только пословицы и поговорки, но расписано поэтапное употребление алкогольных напитков с приведением многочисленных синонимов к глаголу «выпить», характеризующих состояние после пьянства, образные названия алкогольного запоя и т. п.

Вторая часть включает в себя многочисленные остроумные замечания, которые автор оценивает как «брань шуточная», «острота», а иногда «невыразимое» или «на природу» (о выражениях с эротическим значением), и экспрессивно-оценочную лексику из местного говора. В этой части автор дает собственную систематизацию материала, применяя способ, называемый в диссертации «народной герменевтикой». Эта классификация не столько предметная или категориальная, сколько функциональная, зависящая от желания составителя оценить и дать толкование образному высказыванию с позиций нравственно-этической характеристики человека. В таблицах перечислены такие свойства человека, как аккуратность, безвредность, безнравственность, бесхозяйственность и так далее. Происходит своеобразная «перекодировка» народных выражений в систему понятий «ученой» культуры. Приведем пример: пословица «Когда пирог с крупой, тогда всяк с рукой, а когда плыть с узлом, тогда никого с гузном» объясняется как «Забывтое благодеяние при несчастьях». Исходя из трактовок можно составить культурно-психологический портрет современников автора, выявить оценку различных типов поведения, нарисовать типичную для того времени картину общественного мнения о достоинствах и пороках человека.

Составитель сборника принадлежит к той части культуры, которую принято называть «третьей», ориентируясь на теорию

разделения культур на «высокую» (образованных слоев) и «низкую» (простонародную). В сборнике развернут процесс соединения и взаимообогащения устно-поэтических и письменных культурных традиций.

В **Заключении** кратко сформулированы основные выводы диссертации. Возникающее в процессе изучения сравнение двух различных направлений в рукописной традиции Уральского региона показывает, насколько многообразными и разнонаправленными были творческие поиски в духовной культуре. Старообрядчество стремилось сформировать собственную субкультуру, на основе сохранения в культурном пространстве признаков Святой Руси. Креативный аспект народного православия был неразрывно связан с обращением к христианской литературе в соединении с устно-поэтической традицией.

Рукописная библиотека строгановских крестьян свидетельствуют о стремлении к расширению репертуара беллетристических произведений, переписыванию памятников генетически различного типа (христианской, городской, прозападной). Это способствовало выработке кругозора, свойственного в большей степени не традиционной христианско-патриархальной культуре, а «ученой», городской. В культурных гнездах строгановского региона формируется «третья» культура, являющаяся показательным феноменом стремления к общенациональному объединению в пространстве словесного творчества.

Обращение к рукописному материалу открывает важные процессы становления самобытной русской духовной культуры на Урале, в которой воплощались различные историко-культурные интенции.

Публикации по теме диссертации:

1. Истоки представлений о старообрядчестве в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 5. – Екатеринбург, 2002. – С. 97–122.
2. Рукописная словесность Урала: наследование традиций и обретение самобытности: В 2 т. Т.1. Рукописный облик устного слова. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005. – 224 с.

3. Рукописная словесность Урала: наследование традиций и обретение самобытности: В 2 т. Т. 2 Рукописная традиция строгановского региона. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005. – 228 с.
4. Зарождение литературной жизни на Урале (XVII–XVIII вв.) // Литература Урала. Очерки и портреты: книга для учителя. Екатеринбург, 1998. С. 51–106.
5. Русская литература XVIII века. Материалы к урокам в средней школе: учеб.-метод. пособие / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2005. – 100 с.
6. Царский секретарь Игнатий Воронцов и донской казак Игнатий Воронков (К истории новонайденной повести «Родословие поморской веры на Урале и в Сибири») // Новые источники по истории классовой борьбы трудящихся Урала. Свердловск, 1985. – С. 71–91. Соавт.: Р. Г. Пихоя.
7. Сатирический стих о пьянице в собрании рукописей Уральского университета // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1987. – С. 226–233.
8. Изучение взаимодействия рукописной и фольклорной традиций в демократической литературе Урала и Сибири в советской историографии // Историография общественной мысли дореволюционного Урала. Свердловск, 1988. С. 93–98.
9. К вопросу о фольклоризации образов Бориса и Глеба в духовных стихах // Публицистические и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. – С. 132–144.
10. Проблема сатирической традиции в словесности Урала XVIII в. // Научно-технический прогресс: исторический опыт и современность. Взаимодействие технического и социального прогресса в эпоху феодализма: (Информационные материалы). Свердловск, 1989. – С. 59–62.
11. Описание рукописных книг: метод. указания. Свердловск, 1989. – 34 с. Соавт.: С. А. Галишев, И. А. Манькова, А. Т. Шашков.
12. Литературные интересы уральских крестьян XVIII в. // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии. Тез. докл. 22-ого Всесоюзн. симпоз. по изучению проблем аграрной истории. М., 1989. – С. 149–151.

13. Рукописный лечебник XVIII в. строгановского крестьянина Василия Демидова // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. – С. 75–83.
14. Проблема человеческой судьбы в рукописном сборнике повестей строгановского крестьянина XVIII в. // Народная культура Урала в эпоху феодализма. Свердловск, 1991. – С. 8–33.
15. Рукописная библиотека строгановских крестьян XVIII–XIX в. // Книга в культуре Урала XVI – XIX вв. Свердловск, 1991. – С. 61–88.
16. Апокриф «Сон Богородицы» в поздней рукописной традиции (по материалам территориальных собраний УрГУ) // Источники по истории народной культуры Севера. Сыктывкар, 1991. – С. 65–70.
17. «Переписка чигиринских казаков с турецким султаном» в собрании рукописей строгановских крестьян XVIII в. // Проблемы изучения традиционной культуры Севера: К 500-летию г. Сольвычегодска. Сыктывкар, 1992. – С. 93–105.
18. Рукописные заговоры в собраниях Екатеринбурга // Религия и церковь в Сибири. Вып. 3. Письменные и устные источники заговоров. Тюмень, 1992. – С. 5–38.
19. Рукописная словесность Урала: проблема региональности // Дергачевские чтения – 96. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Тез. докл. и сообщ. Екатеринбург, 1996. – С. 93–97.
20. «Питейная» тема в народном красноречии (о рукописном сборнике строгановского служащего XIX века) // Вопросы истории культуры. Вып. 1. Екатеринбург, 1997. – С. 68–80.
21. «Культурные гнезда» на Урале. // Культурное наследие Азиатской России: Материалы I-го Сиб.-Урал. ист. конгр. Тобольск, 1997. – С. 158–159.
22. Американское сочинение об Антихристе – компьютере в интерпретации уральского старовера // Исследования по истории книжной и народной культуры Севера. Сыктывкар, 1997. – С. 118–130.
23. Фольклорные паремии и народная герменевтика в рукописном сборнике строгановского служащего // Книга и литература. Новосибирск, 1997. – С. 171–183.

24. Просветительские идеалы и публицистический пафос «Наказа» В. Н. Татищева // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1997. Вып. 1. – С. 153–158.
25. К вопросу о динамике развития словесной культуры Урала // Дергачевские чтения – 98: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Материалы междунауч. конф. Екатеринбург, 1998. – С. 261–263.
26. «Genius loci» Екатеринбурга в очерке Д. Н. Мамина-Сибиряка // Культурное наследие российской провинции: история и современность. К 400-летию г. Верхотурья. Тез. докл. и сообщ. Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 1998. – С. 225–230.
27. Жанровые разновидности апокрифического сюжета «Сон Богородицы» // Древнерусская книжная традиция и современная народная литература. Тез. докл. Междунауч. конф. Нижний Новгород, 1998. – С. 68–70.
28. Культ святых Бориса и Глеба в фольклорно-мифологическом пространстве // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999. С. 138–156.
29. Устная и рукописная традиции апокрифического сюжета «Сон Богородицы» // Фольклор Урала. Устная и рукописная традиции. Екатеринбург, 2000. – С. 209–246.
30. Родословные нарративы в устной и письменной словесности: онтологический смысл и жанровые очертания // Человек и общество в информационном измерении. Материалы региональной науч. конф. Екатеринбург, 2001. – С. 143–150.
31. «А сию книгу писал крестьянина сын своею рукою...» О библиотеке крепостных крестьян графа А. С. Строганова // Книжная старина Урала. Екатеринбург, 2001. – С. 22–43.
32. Источниковедческий статус конфессионального фольклора и особенности собирательской деятельности // Фольклор народов России: Фольклор. Миф. Литература. К 90-летию проф. Л. Г. Барага. Уфа, 2001. – С. 90–104.
33. Старообрядчество в творческой биографии Д. Н. Мамина-Сибиряка // Дергачевские чтения – 2000: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2001. С. 208 – 215.

34. Мифологизация истории в старообрядческих «родословиях» // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Материалы III междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 2001. С. 323 – 326.
35. Сборники в рукописной традиции позднего староверия: смысловое наполнение и функции в тексте культуры // Сибирь на перекрестке мировых религий. Материалы межрегион. конф. Новосибирск, 2002. – С. 120–123.
36. Боярыня Федосья Морозова: женский взгляд издалека // Книга и литература в культурном контексте. Сб. научн. ст., посвящ. 35-летию начала археогр. работы в Сибири (1965–2000 гг.). Новосибирск, 2003. – С. 407–410.
37. «Сон Богородицы» в пространстве устного и письменного слова // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII – XVIII веков. Первые ремезовские чтения: Провинция в культуре России. Тобольск, 2005.– С. 231–260.
38. «Государев атаман» Ермак Тимофеевич: векторы идеализации // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI – XX вв. Новосибирск, 2005.– С. 296–317.
39. «Житие Стефана Пермского» в культурно-историческом контексте эпохи // Археографический альманах – 2005. Екатеринбург, 2005.– С. 6–41.
40. Концепт «культурное гнездо»: возврат из забвения // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург, 2006. – С. 30–37.
41. Ведущие жанры рукописной старообрядческой словесности // Abstracts. VI ICCEES World Congr. Tampere, 2000. P. 403–404.
42. History and Current Situation of the Old Belief. Materials for an Atlas of Old Believers // Religion in Eastern Europe. 1998. Vol. 18, № 2. – P. 35–48.
43. On Peculiar Features of the Old Believers' Culture in the Ural Region. //: Religion in Eastern Europe. 1998. Vol. 18, № 2. – P. 49–55.
44. A Plan for an International Atlas 1992. A Plan for Historico-Cultural Maps of the Old Believers // «Silent as Waters We Live»: Old Believers in Russia and Abroad Cultural Encounter with the Finno-Ugrians / Ed. by Juha Pentikainen. Helsinki, 1999. – P. 131–133. Coop.: V. I. Baidin.

45. Between Vyatka and Volga in the West, the Ishim and Irtysh in the East. The History and Present Position of the Old Believers in the Russian North // «Silent as Waters We Live»: Old Believers in Russia and Abroad Cultural Encounter with the Finno-Ugrians / Ed. by Juha Pentikainen. Helsinki, 1999. – P. 28–39. Сoop.: V. I. Baidin.

Подписано в печать 20.04.06. Формат бумаги 60x84. 1/16. Бумага писчая.
Печать на ризографе. Печ. л. 2,0. Тираж 100 экз. Заказ

Отпечатано с оригинал-макета в издательстве УГГУ

